
Эти струны будут возмущены,
Несмотря на то что, поднявшись в рост,
Хлебным мякишем утренней тишины
Я замазал дырки на месте звёзд.
Таково воскресенье: проспять полдня,
Посмотреть наверх, покидая дом,
Хорошо, что видящие меня
Вспоминают прошлую ночь с трудом.
Это я по небу пустил волну,
Обвалил сияющий потолок,
До утра стаканом ловил Луну
И почти поймал, да поспать прилёт.

Лежащий целый год
на травянистом дне
немногое поймёт
в столичной болтовне.
Лишь Яузы язык,
промытый до корней,
исчезнувший постиг
до высших степеней.

(Уйдя на карантин,
смотреть, скрывая страх,
парад живых картин
во влажных небесах.)

Весна, ему ответь,
огнём поговори,
классическую медь
по небу разотри.
Пускай плывёт закат
над грязною волной
и падает каскад
салюта проливной.

Я хотел бы эту ночь разглядить,
разглядеть её, зарифмовать.
Звёзды нарисованы в тетради —
я под вечер сжёт свою тетрадь.
И теперь почти неразличимым
в метрополитене тростника
(простаком, подростком, анонимом)
ночь переживу наверняка.
Чтобы с наступлением рассвета
ускользнуть по тонкому лучу
за пределы старого запрета...
А про новый думать не хочу.

Сколько зелени! Роща к роще.
Вот забава для чудака,
что сегодня весь день полощет
в изумрудном рюмку зрачка.
Получилось напиться пьяным?
Веселись, дурака валяй
на краю цветущей поляны,
солнце летнее замедляй.

Декабрьский вечер

Полночь бродит долгими кругами,
вьюжная, не видимая нам,
розовым вином и пирогами,
потчующим сонный «Инстаграм»,

Пьём за то, чтоб страшная дорога
потерялась посреди пурги.
Как и наша странная тревога...
Как и наши мнимые враги...

Помолчи, душа моя, немного:
Тёмные сужаются круги.

Этак блесни и так
в пятом слове с конца,
многоугольный знак,
иероглиф Дворца.
Выпяти белый лист —
подтолкни изнутри.
Был он безмолвен, чист —
нынче поговорим.
Если захлопну том,
не исчезай во тьме,
бегай с гурьбой, гуртом,
но откликайся мне.
Буква моя, двойник!
Научилась душа
говорить напрямик,
отвечать не спеша.

Взаимодействие

Посреди серьёзных дел
Что нам скажет коленвал?
«Если ты меня вертел,
То и я тебя пинал».
Обезумевший на треть,
Запиши в свою тетрадь:
«Если будете вертеть,
Мы попробуем пинать».
Все окольные пути
Привели в родимый край.
Вот теперь и поверти,
Вот теперь и попинай!

«Как увидишь Будду, пронзи её», —
Говорил во сне комиссар.
И пускай окраинное копье
Жёстко трогает небеса.
А я кончил пить, ушёл из гостей,
В голове теснятся слова.
Обо мне написано в стоп-листе,
Обо мне бормочет трава.
В летнем небе плавают пузыри,
Разноцветные, словно шёлк.
Золотые стелются пустыри,
Чтобы я до дома дошёл.

«200 правил спасенья в саванне»
как-то ночью, беспечен и пьян,
я прочёл в остывающей ванне
(помню, в частности, клич обезьян
«акакАчча-угИрру-игИрру»,
в переводе «вперед, командир!»).
Я ушёл и забыл ту квартиру,
как и прочую сотню квартир,
где с утра открываются краны
и по трубам течёт благодать...
Основное из правил саванны —
никогда в неё не попадать!